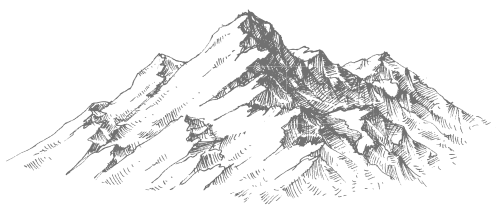

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ИСКРЕННЕ

НАЕДИНЕ С СУРОВОЙ КРАСОТОЙ

*Как я потеряла
всё, что казалось важным,
и научилась любить ...*

*Карен
Аувинен*

БОМБОРА™

Москва 2019

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
А93

Karen Auvinen
ROUGH BEAUTY:
Forty Seasons of Mountain Living

© 2018 by Karen Auvinen
(Scribner, a Division of Simon & Schuster, Inc.,
is the original publisher)

Аувинен, Карен.

А93 Наедине с суровой красотой: Как я потеряла все, что казалось важным, и научилась любить / Карен Аувинен ; [пер. с англ. Э. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-093977-0

Карен бежит от проблем в маленькую деревню в горах Колорадо и остается наедине со своими мыслями на фоне красоты и жестокости природы. Когда пожар уничтожает все, что у нее было, она еще сильнее замыкается в себе. Но, пытаясь примирить жажду одиночества с потребностью в обществе, Карен находит путь назад и становится счастливой. Эти вдохновляющие мемуары – дань уважения сорока сезонам, которые автор прожила в горах, а также признание в любви непредсказуемым и прекрасным силам природы.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мельник Э.,
перевод на русский язык, 2019

© Оформление.

ISBN 978-5-04-093977-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Моей матери Сюзан,
у которой не было своего голоса,
и Грегу,
который помог мне обрести
мой собственный*

...и знает человек:
за долгим одиночеством, за многими шагами,
сделанными прочь
от себе подобных к царству незнакомцев,
вся песнь его молитвой истовой вскипает изнутри —
о том, чтобы вернуться, коль возможно,
ко всему родному,
к миру, почти утраченному в изгнании,
что глубже с каждым годом,
когда слишком долго живешь один.

Голуэй Киннелл

Пролог

Истовая молитва

Март был густо замешен на предвкушении — маятник между зимой и весной, между спячкой и ростом — месяц надежды, месяц перемен. Его наступление означало, что зима непременно окончится. К тому времени на моем счету будет почти четыре с половиной месяца холодов и изоляции. И хотя я любила этот покой — дни, что были медитативны и плавны, ночи, ледяные и полные сновидений, и того рода роскошный глубокий сон, который приходит, когда закутаешься в несколько слоев одеял и перин, — это не означало, что мне было легко. Снега выпадало по футу¹ за раз. Безмолвие ощущалось физически; порой мой собственный голос взрывал тишину, точно тело, проламывающее лед. И резкость, и рывок погружения заставляли меня вздрагивать. А еще был зимний ветер — *ян* для *инь* снега, — который завывал и скребся в хи-

¹ 1 фут приблизительно равен 30 см. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

жину, грохоча оконными стеклами, точно живое существо. В рамках такого ландшафта учишься неподвижности.

К марту я была готова проклюнуться.

В то утро, правя в сторону дома, я бросила взгляд в вышину между стройными телами сосен — такой силуэт деревьев на фоне невозможно синего колорадского неба. Пара воронов реяла над горным склоном, выслеживая чужие беды. Эти птицы напоминали мне стайки мальчишек-подростков — шумных, буйных, полных чувства собственной важности. Было еще рано, часов десять утра, и зябко — первый день марта. Я развела огонь в печи своего бревенчатого дома, когда ночная температура упала почти до нуля, потушила рубленый сельдерей и лук для кукурузной похлебки, а потом отправилась развозить почту по своему деревенскому маршруту; это была одна из трех моих работ с частичной занятостью. Элвис — красавец-блондин, смесок хаски, мой постоянный спутник — сидел на сиденье старого синего внедорожника рядом со мной, приюхиваясь к холодному горному воздуху, дувшему сквозняком из щелочки над стеклом.

Я думала о весне, о смене сезонов. Несмотря на годы, проведенные в горах, и тот факт, что следовало бы в моем возрасте быть умнее, все мое тело гудело от мыслей о более теплых, более долгих днях, о колибри, звенящих у меня над террасой, о запахе тучной почвы, поднимающемся от оттаивающей земли. Первому настоящему проблеску весны —

цветам ветреницы, контрастирующим своими бледно-фиолетовыми тонами с красно-коричневым ландшафтом, — предстояло появиться еще только через шесть недель, но ощущение *оттепели* меня завораживало. Я чуяла ее в закостенелости мышц и конечностей, в бледности своей кожи. Мое тело созрело для освобождения. Всего через пару недель я поеду на равноденствие в Юту, буду праздновать возвращение солнца и позволю своему зимнему «я» развязать узлы и ослабить хватку.

Эта зима была полна всяких «впервые»: я, наконец, впервые надолго обосновалась в доме после слишком многих нескладных лет переездов с места на место; я завершила первую ступень высшего образования; и я блаженно жила одна — без экономической необходимости и относительного непостоянства соседей по жилью. Только я себя раздражала, только на себя должна была реагировать. После десяти с гаком лет, потраченных на «американские горки» случайных заработков и разных учебных заведений, я, наконец, угомонилась. *Здесь*, говорила я себе, именно *здесь* будет мое начало. Обязательства отныне связывали меня, впервые в жизни осевшую на одном месте, не с людьми, а именно с местом. Презрев возможность трудоустройства в других штатах и экономический комфорт работы «с девяти до пяти», я сделала ставку на ландшафт, поставила все свои фишки на дикую природу.

Я осела на одном из самых высоких обитаемых мест в предгорьях Передового хребта Скалистых

гор, где еще есть доступ в Интернет, не слишком удаленном (в пятидесяти минутах езды) от ближайшего крупного города (Боулдер). Бревенчатый дом, который я называла «полоса К»¹, стоял на высоте 8500 футов, где зимы были долгими, а лета короткими, но чудесными. По горе широко разбрелись жилища горстки соседей, по большей части на участках в один-два акра², отделенных друг от друга неровностями местности, отмеченных там и сям кучами скрученной широкохвойной сосны, толокнянки и смородины. Еще пять сотен человек обитали в Джеймстауне, расположенном в пяти милях³ ниже по каньону, где я прожила пару лет, когда завела Элвиса, а теперь работала поваром в кафе «Меркантиль», или попросту «Мерк», единственном и неповторимом бизнес-заведении городка. Я жила не на диких пустошах Аляски, но сравнительная изоляция и одиночество жизни «там, наверху» устраивали и меня, и моего полудикого пса, который намного лучше вел себя при отсутствии огороженных дворов и прогулок на поводке. Мы с ним оба были капельку неприручаемыми. У меня имелась инстинктивная потребность в дистанции и просторе. Как и медведю гризли, животному, которое некогда обитало на Великих равнинах Колорадо, мне нужна была своя территория. К тому же я всегда предпочту преувеличенно

¹ Неологизм из цикла Стивена Кинга «Темная башня», обозначающий у Кинга заброшенное ранчо Гарберов.

² 1 акр — ок. 4046 м², или 40,5 сотки.

³ 1 миля — ок. 1,609 м.

раздутые опасности соседства с медведями и пумами намного более зловещей угрозе со стороны людей, тишину и одиночество житья в горах — шуму и раздражителям, присущим современному миру.

Всю осень и зиму я пускала корни. Меня пьянила мысль о самостоятельности и тихой жизни, не говоря уже о давно лелеемой страстной мечте устроить свой дом именно так, как мне того хотелось. Я купила коренастые мексиканские деревянные стулья для гостиной и приглашала друзей в гости на криветок в текиле или тайские карри. Я расставила на полках свои книги по типам и жанрам. Там было место для медитации в длинной узкой спальне и место для занятий йогой. Я даже посадила под зиму первые травы — что было не так-то просто на моем затененном клочке земли, поросшем темным сосновым лесом, — и начала планировать летний огородик на открытой террасе. Я кормила птиц, разбрасывая семена для юнко¹ и вывешивая длинные тонкие трубки для синиц и дятлов — птиц, которых запугивали стеллеровы сойки и наглые и бесстрашные канадские кукши, не говоря уже об одной решительной серой белке, которая, сердито стрекоча, ругала всех подряд. По утрам я писала, прихлебывала кофе и наблюдала за этой изменчивой иерархией, а Элвис разглядывал белку через окно со сдвижной рамой, наострив уши и склонив набок голову.

¹ Род воробьиных из семейства овсянковые; обитают в Северной Америке.

Жизнь в глуши лаконично расставляет приоритеты: готовить еду, укрываться от непогоды, сохранять тепло. Времена года и климат диктовали все до единого аспекты моего дня — от того, что я ела, до того, чем занималась. Зимой я впадала в спячку на горе и питалась томленным мясом и корнеплодами вдобавок к поленте или картофелю и проводила долгие дни за чтением у камина и сочинительством. Летом ходила в походы, устраивая пикники с нарезанными помидорами и хумусом, свежими ягодами и взбитыми сливками, упиваясь роскошными днями на свежем воздухе вместе с Элвисом: моей жизнью повелевала Природа.

Зима означала необходимость каждый день разводить огонь в холодном брюхе громадной чугунной печи, которая обогревала все четыре комнаты моего дома и не давала замерзнуть водопроводным трубам. В хижине не было газового или электрического отопления, так что каждое утро я выбегала босиком на снег, чтобы собрать в ведро растопку, а потом укладывала лучинки поверх скомканной газеты, заткнутой между двумя положенными параллельно полешками внутри печи. Я разводила огонь, как это делается в *типи*, между поленьями, чтобы он как следует разгорелся, а затем добавляла сверху пару-тройку сосновых щепок покрупнее, прежде чем закладывать лучшее топливо — толстые дубовые чурбаки из распиленных железнодорожных шпал. Для разведения огня требуется терпение: угольки надо мало-помалу подкармливать.

Стоит слишком поторопиться и положить слишком много дров — дерево оплывает и принимается ча- дить. Слишком много воздуха — и пламя умирает. Я обычно начинала растапливать с открытой печ- ной заслонкой, а потом прикрывала ее, оставляя щелочку для тяги в дымоходе, варила себе кофе и кормила Элвиса, дожидаясь, пока печь будет готова принять дубовые щепки помельче, а потом чурбачки покрупнее. Этот заведен- ный порядок ощущался как священ- ное действие, равное медитации или заведенному мною же ежеутреннему ритуалу — записывать отчет о погоде и прилетавших птицах. Это был мой способ сохра- нять ориентиры, вести учет, закладывая фундамент грядущего дня. Теперь это ощущается как молитва о жизни, которой я и представить себе не могла.

Я жила не на диких пустошах Аляски, но сравнительная изоляция и оди- ночество жизни «там, наверху» устраивали и меня, и моего полуди- кого пса.

Отчасти к жизни «там, наверху» меня побу- ждали три разные работы, которыми я жонглиро- вала: помимо курса творческого письма в обще- ственном колледже недалеко от Боулдера у меня еще был маршрут доставки почты, двадцатипя- тимильная петля по двум каньонам вокруг моей хижины, плюс работа в «Мерке» в Джеймстауне. Каждый день ездить на работу в город было не- практично, так что, как и многие, я выбрала ра- боту на горе.

В то утро я начала день вместе с воронами: мне нужно было проверить студенческие работы, и еще